

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МИФ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Переход России к федеративному типу государственного устройства — одна из магистральных тенденций ее постсоветского политического развития. К настоящему времени появилось значительное число работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных анализу этого процесса, а также отдельных его аспектов. Вместе с тем при кажущемся многообразии точек зрения в реальности практически все указанное проблемное поле оказалось почти полностью поделено между двумя парадигмами анализа: политико-правовой и экономической.

С одной стороны, переход к федеративному устройству описывается преимущественно как процесс изменений в конституционной системе, в результате которых значительная часть прав и властных полномочий передается с общенационального уровня субъектам федерации. С другой стороны, в качестве самостоятельного и едва ли не центрального аспекта проблемы исследователи и политики выделяют тему экономических взаимоотношений между центром и регионами, в частности, вопросы так называемого бюджетного федерализма.

При всей важности указанных подходов ни тот ни другой не позволяют рассмотреть политическую проблему с точки зрения *политической науки*. Введение новых конституционных норм — неотъемлемая часть процесса федерализации, но само по себе возникновение иной юридической аранжировки еще не означает трансформации политической системы. С точки зрения права СССР и РСФСР были федерациями, однако реальный уровень централизации, существовавший при советской власти, делал государство по сути унитарным.

Дискуссия о российском федерализме как о политической проблеме имеет смысл лишь постольку, поскольку признается, что это не только процесс юридических изменений, но прежде всего трансформация политической системы. Изменение формальных институтов в этом случае — лишь фрагмент более общего процесса. Столь же важными оказываются перераспределение ресурсов власти и образование новой многоуровневой топологии пространства публичной политики.

Существенность первого аспекта, собственно, демонстрирует дискуссия о бюджетном федерализме, в рамках которой ставится вопрос об обеспечении соответствующими материальными ресурсами прав и властных полномочий, перераспределяемых с национального на субнациональный уровень.

Второй аспект — трансформация пространства публичной политики, — к сожалению, пока не нашел достаточного освещения в работах ученых-политологов. Между тем именно обретение российской публичной политикой нового качества представляется ключевым моментом в формировании федеративного государства. Что включает в себя эта трансформация?

Американский исследователь Д.Элейзер приводит два понимания термина «федерализм», распространенные в настоящее время в зарубежной политической науке. В узком смысле федерализм — это «взаимоотношения между различными правительственными уровнями», в более широком — «сочетание самоуправления и долевого правления через конституционное соучастие во власти на основе децентрализации»¹.

Предпосылкой федерализма и в том и в другом понимании считается наличие в рамках одного государства двух уровней осуществления публичной политики, национального и регионального, на каждом из которых присутствуют все основные атрибуты политического в современном его понимании, т.е. автономная в своих полномочиях государственная власть, требующая для функционирования самостоятельной легитимации (как правило, через процедуру демократических выборов), множество политических акторов, конкурирующих за доступ к этой власти, и некие слои населения, выступающие, по крайней мере теоретически, юридическим источником власти. Другими словами, возникают два автономных уровня политического представительства, взаимодействие между которыми и может быть названо взаимодействием «между различными правительственными уровнями».

Однако многоуровневость власти не может быть признана исключительным атрибутом федерализма. Во всякой сложной государственной системе (а к таковым без сомнения относятся и современные унитарные государства) какая-то часть функций и, соответственно, полномочий передается территориальным подразделениям центральной власти, ибо последняя не может даже в унитарных государствах полностью контролировать управление на местах. Поэтому территориальные органы власти составляют, по сути, относительно автономный уровень.

Вместе с тем атрибутом федерализма может быть признана многоуровневость публичной политики. В унитарном государстве политические (а не управленческие) решения принимаются только в центре.

В данной статье будет рассмотрен ряд аспектов «функционирования» политики на региональном уровне и в первую очередь процесс легитимации политической деятельности (ее целей и методов) в общественном мнении жителей регионов. Представляется, что такой анализ может быть полезен для выявления возможных тенденций в развитии российского федерализма.

Как обеспечиваются процессы идеологической, или смысловой, легитимации власти на региональном уровне? (Как осуществляется правовая легитимация более или менее понятно.) На какие тенденции в социальном или, точнее, социокультурном (поскольку

¹ Элейзер Д. Дж. Сравнительный федерализм // Политические исследования. 1995. № 5. С. 106.

речь идет о смыслах) развитию они опираются? Какие политические последствия, прежде всего для развития самого федерализма, эти процессы могут иметь?

**Проблема
политической
субъектности
субъектов
Российской
Федерации**

Конституция 12 декабря 1993 г. придала всем бывшим административно-территориальным образованиям РСФСР статус субъектов Российской Федерации. В самом этом определении содержится признание того, что территориальные единицы России (области, края, республики) не являются более подразделениями унитарной системы государственного управления. За ними закрепляется статус государственных образований, выражающих политическую субъектность населения соответствующих регионов. Однако действительно ли население российских регионов готово выступать в качестве реальных коллективных политических субъектов, чьи интересы защищает федеративное устройство страны? Если в отношении большинства республик в составе России утвердительный ответ выглядит вполне естественным («парад суверенитетов» 1990–1992 г. продемонстрировал высокую степень принятия жителями республик идеи автономности и суверенности, причем не только там, где большинство составляет так называемая титульная нация), то населению бывших административно-территориальных образований — краев и областей — признание их в качестве неких автономных территориальных общностей, обладающих правом на определенную политическую самостоятельность в рамках федеративного государства, кажется а priori проблематичным.

Традиционно федерация рассматривается как союз государственных образований, в результате которого создается новое государство. Классический пример — Соединенные Штаты, возникшие как объединение независимых государств. Швейцария становится федерацией первоначально самостоятельных кантонов. Земли ФРГ в той или иной мере являются носителями автономных политических традиций (бывшие германские княжества).

Идея федерации подразумевает наличие самоорганизующихся сообществ, чьи интересы должны быть учтены в едином государстве. Трансформация унитарных государств в федеративные происходит, как правило, под давлением «снизу», со стороны в той или иной мере сложившихся социокультурных территориальных сообществ (классическим примером могут служить конституционные реформы в Бельгии и Канаде).

В России мы имеем в определенном смысле обратную ситуацию: для большей части нынешних субъектов федерации их новый статус оказался «дарованным» в результате последней конституционной реформы. Неоднократные изменения административно-территориального деления как в Российской империи, так и в СССР, вызванные, главным образом, соображениями управленческой и экономической эффективности, в незначительной степени были связаны с проблемой территориального существования исторических социокультурных общностей. Например, Липецкая область была образована в 1954 г. для обеспечения деятельности Новолипецкого металлургического комбината. Другие бу-

дущие субъекты Российской Федерации также неоднократно меняли границы, объединялись, делились, появлялись и исчезали с карты в соответствии с интересами центральной власти.

Между тем логика существования территории в предельно централизованной политической системе и в федеративной существенно различаются. Если первую вслед за отечественным политическим географом В.Каганским можно рассматривать как логику «внепространственных задач, упавших на территорию, преобразовавших, подчинивших и сформировавших в ней особые ячейки»², то вторая есть скорее политико-правовое выражение существования в рамках единого государства неких территориальных общностей граждан, обладающих более или менее сложившейся региональной идентичностью (т.е. воспринимающих себя в качестве членов сообщества, ассоциирующегося с территорией субъекта федерации). Являются ли нынешние субъекты Российской Федерации такими территориальными сообществами, иными словами, идентифицируют ли граждане России себя по принципу принадлежности к территориальным общностям — проблема далеко не тривиальная для современной российской государственности. Если она решается положительно, то встает вопрос, с помощью каких механизмов удастся эту идентичность поддерживать, учитывая описанную выше традицию членения пространства «сверху» (а не «снизу»), которая создает явный дефицит возможностей для осознания себя членом исторически сложившегося территориального гражданского коллектива?

Социологические исследования свидетельствуют о том, что начиная, как минимум, с рубежа 80-х — 90-х годов в советском обществе действительно усиливается региональная и локальная самоидентификация граждан. Так, по данным Института социологии РАН, уже в 1992 г. доля респондентов, идентифицирующих себя с «россиянами», уступала числу идентифицирующих себя с теми, «кто живет в нашем городе, поселке». При этом если за последующие пять лет первый показатель практически не изменился, то второй вырос почти на 10% (табл. 1).

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос «как часто вы ощущаете близость с разными группами людей, с теми, о ком бы вы могли сказать: «это — мы»» (в % от числа опрошенных)

Объекты идентификации	май 1992 г.	декабрь 1992 г.	март 1993 г.	июнь 1993 г.	ноябрь 1993	июнь 1994 г.	ноябрь 1994 г.	январь 1997 г.
с теми, кто живет в нашем городе, поселке	73,1	75,1	70,9	75,6	75,4	79,6	79,9	82,8
с россиянами	71,0	71,3	66,3	67,1	76,5	71,0	70,1	71,3

Источник: Данилова Е. Проблемы социальной идентификации населения постсоветской России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ, 1997. № 3. С. 14

² Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация (структурно-геополитический анализ) // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 26.

Схожую картину показало обследование установок молодежи, проведенное Центром социологических исследований МГУ в 1997 г. в 56 субъектах Российской Федерации (табл. 2).

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос «что для вас является Родиной?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	когорты		
	17 лет	24 года	31 год
моя родина — бывший СССР	9,1	13,0	20,7
моя родина — Россия	46,3	42,7	41,6
моя родина — республика или область, в которой я живу	40,0	39,6	33,8
затрудняюсь ответить	4,2	4,3	3,8
отказались ответить	0,5	0,4	0,1

Источник: Центр социологических исследований МГУ им. М.В.Ломоносова, выборка 3839 респондентов, март 1997 г.

Как свидетельствуют данные обследования, по мере уменьшения возраста респондентов снижается их самоидентификация с ушедшим в прошлое СССР, а с Россией увеличивается, хотя до сих пор свыше 50% молодежи не считают ее своей родиной. Отождествлять себя скорее с региональной общностью, чем с общенациональной, готовы от 33 до 40% молодых людей, причем с уменьшением возраста эта цифра увеличивается. Таким образом, несмотря на некоторое отличие количественных данных, результаты второго исследования также указывают на усиление тенденции региональной самоидентификации граждан постсоветской России.

Подобный процесс прослеживается и на уровне политических установок. Начиная с конца 80-х — начала 90-х годов они претерпевают существенные изменения: при общем падении доверия к институтам государственной власти граждане более склонны проявлять благожелательность по отношению к органам местного самоуправления и региональной власти. В марте 1997 г., согласно данным социологического опроса ВЦИОМ, около 17,1% населения страны считало, что областные (краевые, республиканские) органы власти вполне заслуживают доверия. 19,2% поддерживало местные власти (районного и городского уровня). Рейтинги президента, парламента и правительства не превышали, соответственно, 9,9, 5,2 и 6,1%. Совершенно не доверяли областным (краевым, республиканским) органам власти 25,8%, местным — 30%, а президенту, парламенту и правительству РФ — 41,9, 33,5 и 40,4% соответственно¹.

Степень доверия — важный показатель склонности идентифицировать себя с властью, рассматривать ее как «свою» или «чужую».

¹ ВЦИОМ, общенациональная репрезентативная выборка, 14 марта — 2 апреля 1997 г.

По мере усиления регионального «мы» местная власть все чаще воспринимается жителями России как «своя» по сравнению с властью центральной.

Итак, можно констатировать, что в современной России существует тенденция усиления региональной и локальной идентичности граждан, влияющая и на их политические установки. В связи с этим закономерно возникают два вопроса. Первый — о причинах актуализации региональной идентичности. Второй — о социокультурных механизмах, которые обеспечивают данный процесс. Последний вопрос можно конкретизировать, учитывая избранный нами политологический взгляд на проблему: какова роль политической коммуникации как социокультурного механизма в процессе актуализации региональной идентичности?

**Конструирование
образа мира
в региональной
политической
коммуникации**

Источниками для анализа процессов политической коммуникации в субъектах РФ послужили три группы материалов. Во-первых, это тексты рекламы, использовавшиеся в ходе избирательных кампаний глав исполнительной власти, во-вторых, высказывания региональных лидеров в средствах массовой информации, и в-третьих, символические акты, описанные наблюдателями политического процесса в регионах.

Рассматривая эти источники, следует сосредоточиться, главным образом, на анализе присутствующих в них характеристик региона (как общности и как территории) и регионального лидера, так как они могут способствовать оформлению региональной идентичности граждан России.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что посредством актов региональной политической коммуникации в сознании жителей нашей страны формируется вполне определенный и инвариантный в своих основных чертах тип мировосприятия, в центре которого оказывается региональная общность. Рассмотрим его основные черты.

Пространство. В избранных нами группах источников пространство и время наделяются целым рядом устойчивых характеристик, что хорошо видно, например, из сопоставления приводимых ниже текстов рекламных материалов кандидатов на должности глав исполнительной власти субъектов федерации.

«У нас есть все: творческий и научный потенциал, огромные производственные мощности, наконец, плодородные черноземы, а люди всегда были работящие» (А.Цапин, Воронежская область).

«Почему жизнь волгоградцев станет лучше? Потому что у нас все есть: плодородная земля, нефть, огромные производственные мощности, научный и творческий потенциал, и люди всегда были способные и работящие» (И.Шабунин, Волгоградская область).

«Второй такой земли, как Кубань, больше нет нигде в мире. Черноземы, заповедные леса, два моря, уникальный растительный и живот-

ный мир, недра, прямые выходы в Черноморье и Средиземноморье — мы просто обязаны быть гордыми, красивыми и счастливыми. Но стоим пока на коленях, выпрашиваем милости. У центра, у собственных горе-руководителей» (В.Крохмаль, Краснодарский край).

Территории региона приписываются качества, выделяющие ее из остального пространства. По своим характеристикам она уникальна, благодатна для проживающих на ней людей, она словно создана для них. Уже в этой констатации между территорией и проживающими на ней людьми устанавливаются особые личностные взаимоотношения: ее богатства *предназначены* для людей, это их территория.

Напротив, пространство, располагающееся за пределами региона, наделяется чертами «чужого», непонятного, недоступного и в своих базовых проявлениях враждебного, из которого в регион проникают влияния, нарушающие и разрушающие благодатный для людей региональный порядок. Не случайно во многих высказываниях местных лидеров их регион уподобляется острову в бушующем море.

«Хотя я отдаю себе отчет в том, что решения Москвы и правительства, которые касаются глобальных экономических и социальных проблем (курса доллара, например, или системы экспортного контроля, таможенных правил), — эти решения подобны наезду экскаватора на детскую песочницу. И я тогда подобен человеку, который пытается лепить песочный город.

Вот в таких условиях может существовать “белый остров в красном море”. В условиях очень неустойчивых, очень сильно зависящих от внешних факторов. Постоянно угроза цунами, которое просто смет этот остров. Цунами в виде экономического идиотизма»⁴.

⁴ Немцов Б.
Провинциал. М.,
1997. С. 63.

«Чужое», внешнее пространство часто, как в предыдущем примере, связывается с образом «Москвы», «столицы», «центра». Именно там принимаются решения, ставящие под угрозу стабильное и понятное существование жителей региона. Сама ситуация наступающего на регион извне хаоса ассоциируется с реформами, проводимыми Москвой.

«В условиях, когда по инициативе федерального центра, в результате его деструктивной политики происходит сознательное разрушение экономического потенциала и превращение страны в колониальный придаток развитых капиталистических стран, когда цинично попираются права и свободы граждан, когда целенаправленно уничтожаются отечественные наука и культура, Кубань должна выработать свое отношение к этой политике, чтобы спасти и развить свой интеллектуальный и экономический потенциал» (Н.Кондратенко. Из текста рекламных материалов).

Взаимосвязь противопоставления пространства региона как зоны порядка внешнему пространству как области наступающего на регион хаоса с ситуацией цивилизационного кризиса отчетливо проявляется и в высказываниях подобных следующего.

«В области на протяжении длительного времени стоимость потребительской корзины одна из самых низких в Российской Федерации. Ушли в прошлое проблемы насыщения потребительского рынка, обеспечения населения продуктами питания и товарами повседневного спроса. Обеспечиваются бесперебойные поставки хозяйствующим субъектам и населению газа, электроэнергии, топлива, оказываются другие жизненно важные услуги. Сохраняется стабильная общественно-политическая обстановка» (Из предвыборных материалов бывшего главы администрации Курской области В.Шутеева).

Примечательно, что, перечисляя заслуги администрации Курской области, ее глава говорит о вещах, до недавнего времени вполне естественных (поставляются газ и электроэнергия, сохраняется стабильная обстановка), как о подвигах. В условиях кризиса, однако, эти черты элементарного порядка начинают восприниматься как атрибут «нашего» регионального пространства. Причем порядок этот существует не благодаря, а вопреки ситуации, складывающейся в мире, окружающем регион. Противопоставление пространства региона окружающему его пространству осуществляется по характерному для всякой мифологии принципу противопоставления космоса и хаоса, соответствующего на более глубинном уровне оппозиции «мы — они».

«Они», ассоциирующиеся в региональном мифе с «Москвой», «центром» или «другими регионами», покушаются на наши ресурсы, вывозят наши финансы, продовольствие, полезные ископаемые и т.д. Черты такого мировосприятия проявляются в следующих высказываниях региональных лидеров и текстах политической рекламы.

«Негоже ведь, когда все федеральные программы финансировались только через доверенные банки Москвы. В итоге полным ходом шла капитализация столичных банков, они росли, словно грибы после дождя, в то время как рушилась банковская система регионов. Постепенно Москва превращалась в подлинное Монте-Карло в окружении нищих субъектов РФ»⁵.

«До сих пор мы кормили Москву и другие регионы, пора позаботиться о жителях нашей области» (И.Шабунин. Из предвыборных листовок).

«Земляки! Лукойл поддерживает Егорова! Они сами признались нам, чьи интересы защищает Егоров! Ну что ж, признаемся и мы. Нам не по нраву Лукойл и прочие московские рокфеллеры! Нам не по нраву их прихлебатели! Богатства края, и в том числе нефть, должны принадлежать народу!» (Н.Кондратенко. Из предвыборных материалов).

Для региональной политической риторики характерно представление центра в качестве проводника политики антинациональных, антирусских сил, ретранслятора чуждых «нам» норм и ценностей. Показательно следующее высказывание.

«Летом прошлого года практически остановился спад производства. В рыбной же промышленности начался бурный рост, свободнее

⁵ Россель Э. Договор, которого добивались пять лет // Российская глубинка. 1996. № 2. С. 12.

зажили металлурги, лесники, появились реальные симптомы оздоровления на некоторых предприятиях оборонной промышленности. Но тут некоторые “стратеги” из правительства начали говорить: мол, “надо любой ценой задавить инфляцию” — согласно рекомендациям Международного валютного фонда. В результате — вместо инфляции задавили производство⁶.

⁶ Наздратенко Е.
Приморье — это
утро России //
Власть. 1996.
№ 11. С. 16.

Одним из лозунгов руководителей «русских» регионов России начиная с 1993 г. было требование уравнивать края и области в правах с республиками. При этом центр более или менее открыто обвинялся в установлении данного неравенства.

Характерно, что подобное восприятие столицы, центра не есть лишь элемент политической риторики. Возрастающее отчуждение жителей российских регионов от Москвы фиксирует и ряд социологических исследований. К примеру, в ходе изучения политических установок жителей Алтайского края выяснилось, что великодержавный русский национализм парадоксальным образом сочетается у значительной их части с сибирским сепаратизмом. Стремление отделиться от Москвы сами респонденты объясняли тем, что столица давно стала агентом антирусской политики, при этом «Сибирская республика» мыслилась ими как «истинно русское государство»⁷.

⁷ Растов Ю.Е.
Протестное пове-
дение в регионе //
Социологические ис-
следования. 1996.
№ 4. С. 48.

Инвариантным содержанием рассмотренных моделей мировосприятия является задаваемая ими структура пространства с вычленяемой из него территорией региона, доступной для понимания и освоения проживающими на ней людьми и противопоставляемой окружающему региону пространству, символом которого часто выступает «Москва», «столица», «центр».

Данный тип восприятия пространства обладает вполне определенными мифологическими чертами. Членение пространства по принципу «наше», «понятное», «безопасное», «человеческое» — «чужое», «непонятное», «опасное», «не вполне человеческое» характерно для архаических и традиционных мифологий. В рассмотренных примерах мы находим также присущее всякой мифологии стремление поместить «нашу» общность в центр мирового порядка (космоса). Наконец, очень близким к мифологическому оказывается характер символизма подобных описаний: символ «функционирует» как сеть взаимокорреспондирующих метафор. Например, физическое пространство выступает в данном случае в качестве метафоры социального пространства и наоборот.

⁸ См., напр.: Гелл-
нер Э. *Нации и нацио-
нализм*. М., 1991;
Anderson B. *Imagined
Communities.
Reflections on the
Origin and Spread of
Nationalism*. London,
1983; Niebuhr R.
*Faith and politics.
A commentary on
Religious, Social and
Political Thought in a
Technological Age*.
New York.; Smith A. D.
National Identity.
London, 1991.

Выявленные аналогии представляются неслучайными. Социальные мифы, по мнению многих исследователей в области социологии неконтактных социальных групп и теории политической культуры, являются неотъемлемой частью процесса групповой самоидентификации⁸. Если политическая коммуникация в регионе связана с формированием региональной идентичности, то выявление в содержании коммуникативных актов мифологических образов региональной общности представляется вполне закономерным. В ряде

случаев взаимосвязь конструирования мифологической картины мира с процессом выстраивания региональной идентичности, позитивной с точки зрения оценочных предпочтений, проявляется достаточно наглядно.

Отмечавшееся в предыдущих примерах наделение территории региона исключительными чертами (огромные запасы полезных ископаемых, выгоднейшее географическое положение, плодороднейшие земли и т.п.) направлено на придание «нашему» региону некоего особого статуса по сравнению с другими. Причем подобные преимущества воспринимаются как данные «от природы». Таким образом, особый статус региона объективируется, а природа, мир, космос, напротив, в полном соответствии со спецификой мифологического восприятия наделяются чертами субъекта.

Подобное отношение к региональной общности и территории становится в реальной политической практике основой для провозглашения отдельными губернаторами неких «проектов прорыва» в светлое региональное будущее, своего рода «золотой век». В качестве примеров можно привести идею строительства портов в Ленинградской области, провозглашенную В.Густовым, проект «превращения Курской области во второй Кувейт», предложенный А.Руцким, или план превращения Саратова в «столицу Поволжья», принадлежащий Д.Аяцкову. Уникальные характеристики территории региона рассматриваются в рамках подобных проектов как залог их реального осуществления. В то же время сам проект нередко служит доказательством особого значения региона для России.

В качестве примера рассмотрим комментарий бывшего губернатора Ленинградской области В.Густова к теме строительства портов на ее территории. По мнению последнего, в результате реализации проекта «...именно с Ленинградской области, даже со всего Северо-Запада начнется возрождение России. Откуда такая уверенность? Дело в том, что у нас исключительно выгодное географическое положение, значительные природные ресурсы, довольно высокий уровень развития промышленности, рыночных структур, инфраструктуры, привлекательные для инвестиций условия, квалифицированные специалисты. В общем область располагает всем достаточным и необходимым, чтобы процветать через вполне обозримый промежуток времени»⁹.

Другой способ утверждения особого статуса региона через метафоры пространства — приписывание его административному центру атрибутов столичности. Наиболее ярко этот образ представлен в заявлениях и символических действиях саратовского руководства. Лозунг «Саратов — историческая столица Поволжья» стал едва ли не главным в региональной политической риторике, начиная с апреля 1996 г. Однако в том или ином виде подобные представления о месте своего региона в России присутствуют практически повсеместно. Руководители Нижнего Новгорода в конце 80-х — начале 90-х зачастую называли свой город

⁹ Густов В. Мне доверено не политиком быть, а хозяйственником // Российская Федерация. 1997. № 7. С. 19.

«третьей столицей России». В Самарской области столичный статус областного центра подчеркивается упоминанием того факта, что в годы Великой Отечественной войны Куйбышев (название Самары в советское время) был некоторое время местом пребывания правительства. В Ярославской области подобного типа воспоминание связано с периодом смуты, когда Ярославль стал местом сосредоточения Второго ополчения и, следовательно, временной столицей России. В Воронежской области важную для выстраивания собственной «столичной» идентичности роль играет тезис о Воронеже как столице Черноземья, аргументируемый обращением к истории Центрально-Черноземного района в 20-е и Центрально-Черноземного совнархоза в 60-е годы.

Даже если представления о собственной столичности не выражены в политической риторике, они повсеместно проявляются в символической практике, имеющей вполне определенный смысл. Например, приход к власти новых губернаторов в 1996–1997 гг. сопровождался действиями, явной целью которых было вызвать ассоциации регионального центра со столицей: подсветка зданий по ночам, строительство международных аэропортов (или придание существующим статуса международных), утверждение местной символики, воспроизводство всех атрибутов столичной власти (с наименованием органа исполнительной власти правительством, а места его пребывания вне зависимости от реального цвета «белым домом»).

В ряде случаев особый статус подчеркивается приписыванием территории региона или региональному центру некой неординарной роли в экономике, культуре или системе безопасности страны. «Приморье — форпост России на Дальнем Востоке», «Нижний Новгород — карман России», «Кубань — житница России», «Санкт-Петербург — культурная столица России», «Урал — стеновой хребет (или опорный край) державы» (это утверждение равно прижилось в Удмуртии, Свердловской и Челябинской областях) и тому подобные лозунги-самоопределения достаточно лаконично выражают данный тип описания региона. В еще большей степени роль образа пространства в утверждении особого регионального статуса выражена в высказываниях подобного следующего: «Красноярский край — седьмая часть территории России, центр России» (на наименование себя центром России претендуют также Екатеринбург и Ярославль).

Описание регионального пространства как особого в масштабе страны позволяет сделать некоторые предположения относительно генезиса региональной мифологии в современной России. Представляется, что в значительной мере внутренняя логика мифологических описаний обусловлена бессознательным стремлением представителей региональной общности компенсировать комплекс провинциализма и ординарности, сопутствующий, как правило, интериоризации сниженного (периферийного) социального статуса. В обществах с выраженным неравенством столичного и провинциального статусов (к такому можно отнести и современную Россию) выстраивание пози-

тивно оцениваемой идентичности «провинциала» (а региональный статус, как правило, подразумевает статус провинциальный) возможно лишь через утверждение превосходства носителей последнего. Отсюда навязчивое стремление описать свой регион как место, занимающее в топологии социального пространства «уникальное», «неординарное» и в том или ином смысле «столичное» положение. В то же время осуществляется более или менее отчетливая «демонизация» Москвы (само сопоставление себя со столицей вполне ясно указывает на характер внутреннего психологического конфликта).

Специфика разветвления регионального мифа отчетливо проявляется при его сопоставлении с мифом этническим. В последнем центральное положение этноса в мире тяготеет к абсолютному: этнос рассматривается как в принципе самодостаточный космос, не нуждающийся в каких-либо других подобных общностях, тем более включающих в себя этнос. Региональный миф, напротив, с необходимостью предполагает нахождение региональной общности внутри национально-государственной и, соответственно, допускает множественность региональных общностей, однако в ряду последних «наш» регион воспринимается как особый и в некотором смысле центральный. Таким образом, в рамках регионального мифа разрешается противоречие между имманентной всякому мифу логикой помещения «нашей общности» в центр космоса и очевидной ординарностью и «нецентральностью» регионального статуса.

Выводы, сделанные на основе анализа образа пространства в актах региональной политической коммуникации, находят подтверждение при анализе образа времени и регионального лидера.

Время. Восприятие времени, задаваемое региональным мифом, в своих базовых чертах аналогично восприятию пространства. Строго говоря, в мифе пространство и время с трудом можно отделить друг от друга, поскольку и то и другое — метафоры неких общих смысловых отношений. В региональном мифе подобная связь отчетливо проявляется в феномене «перенесения пространства». Движение в будущее описывается как воспроизводство в пространстве региона черт и характеристик, приписываемых актуально существующему пространству, которое представляется субъектам мифотворчества реализованной моделью своеобразного «золотого века». Типичные варианты подобного «переноса пространства» — воспроизводимые в риторике и отчасти практике формулы превращения Курской области «во второй Кувейт» или Нижегородской «во второй Детройт» (лозунг, выдвинутый Б.Немцовым в его бытность губернатором).

Подобно мифологическим метафорам пространства, образы времени выражают смысловые отношения, порождаемые логикой генезиса региональной идентичности, т.е. вычленения пространства возможного регионального порядка из «моря хаоса» и компенсации комплекса провинциализма. Первому смысловому отношению соответствует образ регионального «золотого века» в прошлом и буду-

щем, второму — образ «особого» места региона в истории России. Вместе с тем оба типа отношений составляют единую ткань мифологического повествования, зачастую выражаются схожими или аналогичными метафорами, соотносятся друг с другом и могут быть разделены лишь аналитически. В текущей региональной политической риторике и символике они, как правило, присутствуют вместе, примером чему может служить следующее определение Б.Немцовым прошлого и будущего вверенного ему в свое время региона.

«Нижний Новгород — это уже не захолустная провинция... Моя следующая задача — сделать Нижний третьей столицей России... Во-первых, Нижний Новгород должен в экономическом плане стать карманом России. И главный приводной ремень у нас уже имеется — это Нижегородская ярмарка. Во-вторых, Нижний должен в ближайшие пять лет стать российским Детройтом. Это значит, ключевым моментом в экономике области будет развитие машиностроения. А в-третьих, мы собираемся центр своей политики перенести на развитие ремесленничества. Я бы его расшифровал как все нормальное предпринимательство»¹⁰.

¹⁰ Биржа. Нижний Новгород. 1996. № 43. С. 3.

Время в региональном социально-политическом мифе (как и во всяком ином) характеризуется чертами циклизма, который проявляется в целом ряде типичных для современной жизни ритуальных практик. Характерными примерами могут служить получившие широкое распространение с конца 80-х — начала 90-х годов празднования «дней города» и юбилеев регионов. Возникший изначально как «ответ» местных властей на стихийно актуализирующуюся региональную и локальную самоидентификацию граждан, указанный тип праздника в дальнейшем приобрел характер почти официального ритуала с ярко выраженной политической направленностью на демонстрацию регионального патриотизма. В качестве примера интерпретации смысла подобных мероприятий официальными властями можно привести обращение губернатора Астраханской области к землякам по поводу 280-летия губернии.

«Дорогие земляки астраханцы и гости нашей области!

В эти дни мы с гордостью отмечаем знаменательную дату — 280-летие образования Астраханской губернии. Этот праздник — не только историческая веха, но и повод для оценки сложного многовекового пути развития нашего региона. Многие помнит Астраханская земля — полки Ивана Грозного и струги Стеньки Разина, реформы Петра Великого и стрелецкие бунты, великие торговые караваны и голод Поволжья, братоубийственную гражданскую войну и славные подвиги астраханцев на полях Великой Отечественной.

Вместе с тем счастье нашей земли в том, что населяли ее всегда люди трудолюбивые и радеющие о ней. От них нам досталось богатейшее наследство, сохранять и приумножать которое — наша священная обязанность перед грядущими поколениями.

Характерной особенностью этого праздника является то, что сегодня, как и 280 лет назад, Астрахань открывается России и миру с

новой, ранее невиданной стороны. Наш край стал южным форпостом России, выразителем ее интересов на Каспии, важнейшим перекрестком международной торговли, мощным экономическим центром юга России, регионом, привлекательным для инвесторов и гостеприимным для туристов, территорией, где мирно соседствуют представители различных наций и народностей.

Мы имеем полное право гордиться нашей малой Родиной. Не случайно ведь наша великая землячка Мария Максакова когда-то проникновенно сказала: «Какие же вы, астраханцы, богачи!» Да, мы действительно богаты. И не только природными богатствами, но и своей историей, культурой, талантами и трудолюбием. Богаты своей любовью к родному краю, который отвечает нам взаимностью. Будет благополучен наш край — будут благополучны и люди, его населяющие»¹¹.

В приведенном документе отчетливо видны контуры мифологического восприятия времени. Существование астраханской земли рассматривается как объективная реальность, выражающая воображаемое существование во времени некой общности людей, отчетливо выделяющей себя по признаку принадлежности к данной территории. Собственно, земля и люди в региональном мифе составляют единое целое. Таланты и трудолюбие людей, с одной стороны, и богатство территории, с другой, являются взаимокорреспондирующими символами креативности регионального пространства, люди «любят землю», и она отвечает им взаимностью, благополучие края отождествляется с благополучием каждого члена региональной общности. Отношения региона с окружающим миром полны противоречий и драматизма. Отметим, что в обращении окружающий мир воспринимается как источник беспокойства и нарушения порядка: «оттуда» приходят полки Ивана Грозного, челны Стеньки Разина, реформы Петра Первого, гражданская война и т.д. Однако члены региональной общности всегда проявляли два качества. Во-первых, они своим трудолюбием и талантом, используя богатства края, воссоздавали мир региональной гармонии («насеяли ее всегда люди трудолюбивые и радеющие о ней»). Во-вторых, они *всегда* во взаимодействии с внешним миром умели проявить свои незаурядные качества (примером могут служить «славные подвиги астраханцев на полях Великой Отечественной» или «новая роль» губернии в современной России).

Таким образом, модель регионального порядка и гармонии (космоса) рассматривается как *воспроизводимая* во времени благодаря усилиям и творческому потенциалу региональной общности. Модель времени, задаваемая юбилеем региона и его официальными интерпретациями, — цикличная, постулирующая постоянство региональной общности и воспроизводство во взаимодействии с внешним миром параметров порядка и гармонии («золотого века»).

С течением времени в формах, которые принимали подобные мероприятия, все более отчетливо проявлялись архетипы вечного возрождения. Показательным примером может служить отмечавшееся в

Зага. Астрахань.
26. 12. 1997.

1997 г. 200-летие Саратовской губернии, проходившее под знаком признания за Саратовом статуса губернского центра. Последнее событие интерпретировалось в официальной пропаганде как «возрождение» или даже «рождение» Саратовской губернии.

В рамках мифологического времени движение в будущее переживается как воспроизведение в реальности регионального «золотого века». Связь подобного восприятия времени с ситуацией кризиса хорошо прослеживается на примере получивших широкое распространение в политической риторике в период губернаторских выборов 1996–1997 гг. лозунгов «возрождения... края (области, округа)»: параметры «чуда», которое обещает совершить новая региональная власть и которое ожидается от нее населением региона, вполне определены — преодоление хаоса и деградации, ассоциирующихся с ситуацией кризиса, рассматриваемое как возвращение к «оптимальному» состоянию, которое уже когда-то было.

В ряде случаев региональный «золотой век» связывается со вполне определенным историческим периодом. Характерный пример — новгородский миф, в котором «время оно» напрямую ассоциируется с периодом политической независимости города в XII–XV вв. Официальная символическая практика нынешних новгородских властей строится на представлении о возможности и необходимости повторения «золотого века» уже в ближайшем будущем. В конце января 1998 г. на совместном заседании областной и городской дум было принято решение о переименовании областного центра в Великий Новгород. Данный акт ясно демонстрирует мифологический характер восприятия времени в региональном сознании: полностью соответствуя идее утверждения порядка через магическое обращение к первоисточкам, возвращение имени в рамках подобного мировосприятия представляется необходимой предпосылкой возвращения сущности.

Как правило, «золотой век» в мифе ассоциируется с наиболее ярким и динамичным этапом истории региона или его административного центра. В современном саратовском мифе это, например, 80–90-е годы XIX в., время интенсивного экономического и культурного развития губернии. Если таких периодов было несколько, то региональная историческая память органично включает их в циклическую модель времени, в которой подобию «золотого века» воспроизводятся регулярно. В современном Воронежском мифе периоды расцвета ассоциируются с обретением Воронежем более или менее формального статуса «столицы Черноземья» в 20-е и 60-е годы XX в.

Идентификацию «золотого века» с «периодами столичности» или даже политической самостоятельности региона можно проследить на большом количестве примеров, что лишний раз подчеркивает тесную связь двух аспектов генезиса региональной идентичности в определении логики мифа.

В целом ряде случаев, однако, трудно выделить конкретный исторический период (или периоды), который бы напрямую ассоции-

ровался с «золотым веком». Означает ли это, что представление о нем отсутствует в региональном самосознании? Анализ подобных случаев показывает, что образ «золотого века» здесь присутствует, хотя и не относится к какому-либо одному отрезку времени. Характерный пример — отображение представлений о «периоде» максимального выражения «лица региона» в символической практике нынешних курских властей. На строящейся к 55-летию Курской битвы триумфальной арке, согласно проекту, утвержденному губернатором А. Руцким, планируется изобразить не только сцены данного сражения, но вообще все эпизоды курской воинской доблести, начиная с известного по «Слову о полку Игореве» похода против половцев. Возникающий образный ряд вместе с подобными ему образными рядами, содержащими воспоминания об экономическом и культурном расцвете курского края, составляет некую целостность, пронизанную общей логикой максимальной самореализации региональной общности во времени, которое вполне можно описать как региональный «золотой век». Не ассоциирующийся в данном случае с конкретным историческим промежутком, «золотой век» относится региональным сознанием в некое метавремя, постоянно сопутствующее реальному историческому времени и периодически проявляющееся в нем. Подобный тип восприятия времени содержит явные аналогии с архаическим типом. В рамках последнего время делится на мифическое первовремя и профанное историческое время, причем существование порядка в последнем обеспечивается лишь постоянным соприсутствием и вызываемой посредством ритуальных действий актуализацией мифического первовремени.

Для регионального восприятия времени наличие «возраста» или «истории», символизирующих укорененность, стабильность региона в потоке времени, имеет самостоятельную ценность, что, в частности, продемонстрировали многочисленные юбилеи 60 или 70-летия образования краев и областей, проводившиеся в 1996–1997 гг. Поразительно, но факт: результаты централизованно осуществлявшихся реформ административно-территориального деления воспринимались в каждом регионе как события главным образом именно региональной истории.

Культурный герой

Подобно пространственно-временному континууму, тип культурного героя в региональном мифе выражает базовые смысловые отношения, задаваемые логикой генезиса региональной идентичности. Этот образ представлен, например, в фигуре так называемого «регионального выходца» — известного земляка, исторической личности, связанной своими корнями с регионом и впоследствии получившей всероссийское или мировое признание. С конца 80-х годов широкое распространение получают официальные празднования их юбилеев, переименование в их честь улиц, установка памятников или по крайней мере мемориальных досок.

Смысл фигуры «выходца» с точки зрения формирования региональной идентичности вполне очевиден. Она представляет собой символ преодоления второразрядности провинциального статуса и ординарности статуса регионального. «Герой» может быть кем угодно — монахом или ученым, монархистом или революционером, важно, чтобы его персона соответствовала двум условиям: он должен родиться или провести существенный период своей жизни в регионе (или на той территории, которая рассматривается в качестве исторической предшественницы нынешней области или края) и затем «выбиться в люди», т.е. получить национальное или мировое признание. В качестве типичного проявления указанной тенденции можно привести метаморфозы Доски почета, установленной на центральной площади Курска: с начала 90-х годов место передовиков производства заняли на ней известные земляки. Ныне в одном ряду стоят основатель Киево-Печерской лавры Феодосий Печерский, Серафим Соровский и Никита Хрущев (в честь последнего также назван один из проспектов Курска).

В то же время «выходец» воспринимается как символ креативности региональной общности. Его таланты и способности, подобно иным знакам (образы регионального «золотого века», «благодатности территории» региона), призваны доказать (в первую очередь самим членам общности) возможность преодоления «хаоса» и установления порядка и гармонии.

Издаваемая с 1997 г. в Липецке «Жизнь замечательных липчан» также, по замыслу инициировавших ее появление региональных властей, должна включать повествования о самых разных людях, символизирующих известность и значительность липчан как общности. Поскольку история Липецкой области насчитывает лишь четыре десятилетия советской истории (она была образована в 1954 г., до этого времени Липецк не был областным или губернским центром), то нет ничего удивительного в том, что в качестве фигуры «выходца» был избран современник — директор крупнейшего предприятия области, Новолипецкого металлургического комбината Иван Франценюк. Показательно, что фигура «выходца» в данном случае содержит в себе явную ассоциацию с потенциалом регионального пространства, выражая существенную для формирования местной идентичности позицию: сочетание потенциала территории с потенциалом ее жителей не может не привести регион к процветанию.

Как и во всякой иной, в региональной мифологии роль культурного героя сводится к упорядочению пространства. Его задача не допустить «прорыва хаоса» на территорию региона, поддерживать порядок внутри нее и за ее пределами. В реальности функция установления некоего порядка (правил, норм общественной жизни) есть функция политическая. Пытаясь занять место героя, искомого массовым сознанием, региональные политики с необходимостью стремятся воплотить в своем публичном имидже его черты, что хоро-

шо прослеживается в материалах политической рекламы, риторике и символических актах.

Получивший в последнее время распространение образ регионального лидера — «крепкого хозяйственника и управленца» вполне соответствует базовым смысловым отношениям регионального мифа. Отчетливо выраженная в самом словосочетании («я не политик, я хозяйственник») — говорит руководитель региона или мэр города, «кто победил на губернаторских выборах — политики или хозяйственники?» — ставится вопрос перед респондентами, «на выборах победили не белые или красные, а крепкие хозяйственники» — комментирует итоги региональных выборов московский эксперт) оппозиция «хозяйствования» и «политики» содержит глубинную дихотомию «порядок — хаос». Политика — это то, что ассоциируется в современной России с борьбой, интригами, расколом общества по идеологическим основаниям (белые — красные, демократы — коммунисты — националисты). В качестве примера подобного восприятия приведем отрывки из интервью ярославского губернатора А.Лисицина журналу «Российская провинция».

«И в правду, нет худа без добра, чрезмерная политизация федеральных властей, кадровая чехарда в Москве обернулась возможностью для регионов самим для себя выработать стратегии выживания и развития... Для административной работы достаточно одного условия: она должна вестись вне идеологии, в интересах всех граждан, в интересах дела»¹².

В данном высказывании оппозиция «хозяйствования» и «политики» («дела» и «идеологии», «стратегий выживания и развития» и «чрезмерной политизации») вызывает вполне определенные ассоциации. С одной стороны, это уже отмеченное противопоставление порядка и хаоса, с другой — региона и Москвы. Образ «крепкого хозяйственника» в контексте региональной политики определенно корреспондирует с образом пространственно-временного континуума, характерным для регионального мифа, передавая ощущение того, что именно из Москвы и символизируемого ею окружающего регион пространства проникают в него различные нарушающие порядок влияния.

Чрезвычайно важными для построения имиджа лидера в современных российских регионах оказываются параллели с образом «выходца». В одних случаях, как, например, в Саратовской области, где сравнение П.Столыпина и нынешнего губернатора Д.Аяцкова стало одним из наиболее упорно внедряемых пропагандистских клише, указанные параллели носят прямой и явный характер. В других они менее отчетливы, но тем не менее достаточно легко вычленяются при анализе, например, материалов политической рекламы.

Сопоставим аналогичные по предметам высказываний описания этапов биографии двух основных кандидатов на выборах главы исполнительной власти Липецкой области в 1998 г. М.Наролина (Н.) и О.Королева (К.), представленные в предвыборных листовках.

¹² Лисицын А. Опасно, если те, кто несут факелы, временно ищут дорогу // Российская провинция. 1995. № 3. С. 33.

Н. 1. «Есть в Семилукском районе Воронежской области село Перлевка, где 19 октября 1933 года родился в семье крестьянина Михаил Тихонович Наролин, человек, с именем которого тесно связана судьба г. Липецка и Липецкой области».

К. 1. «Наш земляк Олег Петрович Королев родился 23 февраля 1952 года в селе Тербуны в многодетной семье».

Н. 2. «Детство и юность прошли в предвоенные годы, годы войны и послевоенной разрухи, поэтому не на словах, а на деле знает Михаил Тихонович, “почем фунт лиха”».

К. 2. «С раннего детства знает, что такое крестьянский труд. Хлопотал со старшим братом и сестрами по хозяйству. Летом, на каникулах, работал в откормсовхозе “Требунский”».

Н. 3. «Человек из него вырос сильный, уверенный, честный, что очень важно, когда достигаются определенные вершины в карьере. А путь Михаила Наролина к вершинам давно известен: Воронежский сельскохозяйственный институт, рядовой инженер-механизатор одной из липецких МТС, что в Воловском районе, главный инженер, а затем и директор Воловской РТС, управляющий Воловским райотделом “Сельхозтехники”, заместитель председателя Липецкого областного объединения “Сельхозтехника”, начальник отдела мелиорации и водного хозяйства Липецкого облисполкома, начальник производственного управления сельского хозяйства Липецкой области, заместитель, затем первый заместитель председателя облисполкома».

К. 3. «После службы в армии с 1973 года работал в лесном хозяйстве, а уже в 1981 году — в 29 лет — молодой специалист возглавил отстающий колхоз в Долгоруковском районе. Сумел крепко поставить его на ноги, уже в то время газифицировать его. Вырос достаток и у хозяйства, и у колхозников».

Почти пять лет Олег Петрович возглавлял самый крупный в области Добрынинский район. Много строил, многое приумножал, получил отличную хозяйственную закалку.

С 1991 года О.П.Королев — генеральный директор областного объединения “Липецкводмелиорация”. При этом с 1990 года он — депутат Липецкого областного Совета. В мае 1992 года — в самое трудное для области время О.Королева избрали его председателем».

Н. 4. «Ради будущего и нашей светлой жизни он не щадит себя в деле, которому отдает жизнь. Работа, работа и еще раз работа для людей. Конечно, есть у него и ошибки — не ошибается тот, кто ничего не делает. А он делал и делает очень много для области и для людей»

К. 4. «Олег Королев в свои 46 лет прошел серьезную школу жизни, накопил хозяйственный и политический опыт. Действует масштабно и всегда в интересах простых людей. Все, кто знает Олега Петровича, кто встречался с ним по работе, приходил к председателю Совета со своими заботами и бедами, единодушны — власть Олега Петровича не испортила! Он не потерял ни внимания к людям, ни настоящего демократизма в работе, в общении с коллегами, избирателями».

Н. 5. «Михаил Тихонович Наролин награжден орденом Князя Даниила Московского I степени (Золотой крест Патриарха Московского и Всея Руси)».

К. 5. «Именно Королев был назван в 1997 году человеком года среди политиков России — за развитие парламентаризма, за работу во имя и во благо своих избирателей — жителей области».

Несмотря на разницу кандидатов в возрасте, жизненном опыте, политических позициях, структура их биографий удивительно схожа. Будущий региональный лидер рождается в простой семье, с невысоким социальным статусом, в детстве и юности терпит лишения, тяжело трудится, затем своим умом и талантом достигает вершин власти и получает признание в масштабе страны. При этом он остается верен «простым людям» и своему региону. Последовательность развития биографического сюжета в листовках кандидата в точности воспроизводит жизнеописание «выходца». Фигуры обоих символизируют стремление носителей регионального статуса компенсировать свой комплекс провинциализма.

Одновременно рекламная биография регионального лидера демонстрирует все архетипические черты жизнеописания культурного героя мифа. Рассмотренные вехи биографии повторяют основные этапы героического инициационного цикла: «сиротство» (изначально низкий социальный статус и тяжелое детство), «инициацию» (преодоление жизненных трудностей и испытаний), «преображение» (обретение высокого социального статуса как результат «инициации»), «путешествия и подвиги», «возвращение в общину» (в биографиях региональных лидеров этому этапу соответствует сообщение об их постоянной обращенности к «простым людям», открытости для них и т.д.).

Этап «путешествий и подвигов» передается в листовках несколькими способами. Мотив «путешествия», т.е. выхода героя за пределы «нашего» мира, отражен в сообщениях об избрании обоих кандидатов членами Совета Федерации, их политической деятельности в Москве, направленной, естественно, на благо региона. «Хождение» во власть, или, что то же самое, «хождение» в Москву, для рядового члена региональной общности означает путешествие в необычный, таинственный и опасный мир. Решение кандидатом-героем там «наших» региональных проблем — не что иное, как подвиг, что непременно отражается в текстах листовок.

Н. 6. «Михаил Тихонович умело решал многие сложные проблемы: сплошную электрификацию области, мелиорацию засушливых земель, строительство жилья в селах области, создание мощного животноводства и птицеводства, строительство в селах дорог с твердым покрытием».

К. 6. «Принятые Советом программы помощи малоимущим, газификации села, как и воссоздание органов местного самоуправления — конкретные и зримые результаты усилий высшего органа представительной власти и его председателя, сделавшего все, чтобы собрать, объединить и включить в работу толковых и порядочных людей».

С 12 декабря 1993 года Королев — член Совета Федерации. Один из самых молодых и в то же время самых опытных членов высшей палаты парламента. Именно он вместе с группой руководителей регионов, проявив настоящее мужество, пытался предотвратить кровопролитие у “Белого дома”. Делал все, чтобы трагические дни октября-93 не стали трагичнее, чтобы противостояние президента и верховного совета не обрушило Россию в пучину гражданской войны».

Нами рассмотрены лишь два конкретных примера, однако подобная структура биографий и характер порождаемых ими образов лидеров характерны для большинства рекламных материалов, используемых в ходе региональных избирательных кампаний.

Образ культурного героя в региональном социально-политическом мифе в значительной мере, вероятно, порождается действием тех же факторов, что и образ пространственно-временного континуума (их гипотетическую реконструкцию мы попытаемся описать ниже). В этом смысле образы пространства, времени и культурного героя являются метафорами одних и тех же смысловых отношений. В то же время они вступают друг с другом в определенное взаимодействие, характеризующее собственной внутренней логикой. Так, функции культурного героя в региональном мифе отчасти вытекают из структуры пространственно-временного континуума. Поскольку мир (космос) региона противопоставляется непонятному и чуждому окружающему пространству (хаосу), при этом включаясь в него (регион как часть России), то для взаимодействия между этими двумя мирами необходим медиатор, роль которого и исполняет культурный герой (региональный лидер или исторический выходец).

¹³ См.: Следзевский И.В. Социокультурные основания формирования политических мифов // Мифология и политика: Материалы семинара 21 октября 1997 г. М., 1997; Мосейко А.Н. Коллективное бессознательное и мифология современных этнических отношений // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования. М., 1996; Евгеньева Т.В. Социально-психологические основы формирования политической мифологии // Там же.

Генезис регионального мифа в современной России

Как представляется, мифологизация массового сознания жителей современной России может быть описана в терминах концепции кризиса социальной идентичности как аспекта цивилизационного кризиса, разрабатываемой рядом российских исследователей¹³. Однако применительно к генезису региональных мифов в современной России общая логика данной концепции должна быть конкретизирована и дополнена.

Массовое ощущение утраты социальной идентичности, возникшее вследствие разрушения системы устойчивых социальных ролей и статусов советского общества, а также идеологических и мифологических форм, придававшей ее элементам значение и смысл, породило потребность в соответствующей компенсации. Весьма аргументированной в этой связи представляется гипотеза отечественного социолога Л.Иониной, согласно которой в ситуации кризиса идентичности преимущественно описательные признаки личности, как наиболее явно фиксируемые и устойчивые, становятся тем «якорем», опираясь на который человек пытается найти свое место в новой системе социаль-

ных координат. К числу подобных признаков можно отнести территориальность, определяющую человека по месту его проживания¹⁴.

То, что именно принадлежность к территории стала для многих людей решающим критерием определения своей новой социальной идентичности, связано, на мой взгляд, с целым рядом факторов как объективного, так и субъективного свойства.

К числу первых можно отнести распад единой системы использования, распределения и перераспределения ресурсов, снижение объемов производства, дефицит снабжения и т.д., в результате чего населению регионов и региональным элитам приходится конкурировать за дефицитные ресурсы с центром и между собой, что способствует конкретизации дихотомии «мы — они» в образах противостояния региона центру и другим регионам.

Так, согласно данным социологических опросов конца 80-х — начала 90-х годов, большинство жителей ряда российских регионов были уверены, что их область, край или республика в условиях дефицита товаров и продуктов питания больше отдадут Москве, чем получают от нее¹⁵.

Другим фактором, способствовавшим актуализации региональной идентичности в начале 90-х годов, стало заметное снижение межрегиональных миграций под воздействием сложных социально-экономических условий и общеполитической ситуации в стране, в результате чего региональные сообщества становятся более замкнутыми. В целом региональный аспект бытия отдельного человека приобретает относительно большую значимость. Это хорошо заметно на примере подписки на печатные средства массовой информации: с начала 90-х годов она постепенно растет на региональные и местные газеты и журналы и уменьшается на центральные.

Одновременно на уровне массового сознания формируются важные психологические предпосылки развития региональной (и шире территориальной) самоидентификации личности, под воздействием которых различные внешние воздействия интегрируются в целостную картину мира, помещающую региональную общность в центр мировосприятия.

К числу таких психологических факторов относится прежде всего само переживание разрушения привычного порядка, «гибели» знакомой предметной и социальной реальности, вызванное ситуацией цивилизационного кризиса. Одним из эффектов, сопряженных с этим переживанием, оказывается «потеря контроля над пространством»: человек чувствует, что знакомое и безопасное пространство его жизни стремительно сужается. Отсюда возникает ответная реакция — удержать «наше» пространство, не дать проникнуть в него хаосу, наступающему извне. На фоне усилившихся в 1989–1993 гг. процессов дезорганизации «центра» (сначала СССР, а затем и России) собственный «регион» начинает восприниматься населением как область относительного порядка и

¹⁴ Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3–14.

Рукавишников В., Хазман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 275.

определенности, то самое «наше» пространство, в котором индивид защищен от хаоса, охватившего страну. Возникающая на основе такого мировосприятия картина мира, выраженная через соответствующую систему символов и ритуалов, приобретает форму мифа, который в свою очередь становится важнейшим механизмом поддержания идентичности и воспроизводства региональной общности граждан.

Региональный миф в современной России выступает прежде всего как способ компенсации кризиса социальной идентичности личности. Однако применительно к мифу (хотя и не только к нему) сама ситуация кризиса идентичности приобретает дополнительное измерение. Актуализация региональной идентичности, решая эту проблему в одном ракурсе, создает предпосылки для ее возникновения в другом. Как отмечалось выше, регион по определению есть часть чего-то большего (в данном случае страны). Уже в силу этого обстоятельства возникает существенное противоречие между логикой формирования социального мифа, подразумевающей центральное положение общности — коллективного субъекта мифотворчества — в той картине мира, которую миф выражает («наш» мир — это единственно возможный космос), и необходимостью описания региона как элемента общности более высокого порядка (следовательно, и «более центральной»). Формирование позитивно оцениваемой идентичности требует разрешения в рамках выражаемой мифом групповой картины мира противоречия между подчиненным, ординарным, периферийным положением региональной общности в системе координат, задаваемой отношениями часть — целое, столица — провинция и т.п., и имманентной социальному мифу потребностью поставить «нашу» общность в особое, наиболее значимое положение, своеобразный «центр космоса», «пуп земли». Этот феномен, относительно хорошо исследованный применительно к этнической картине мира, получил название этноцентризма. Региональный миф оказывается не только средством компенсации кризиса идентичности, но одновременно и способом компенсации *комплекса провинциализма*, возникающего у жителей нестоличных регионов вследствие осознания ими своего периферийного положения в системе статусов, задаваемых указанными выше измерениями социального пространства.

Поскольку формирование комплекса провинциализма органически связано с установлением внутри того или иного социального пространства системы отношений типа «столица — провинция», то очевидно, что основания для образования этого психологического механизма возникли задолго до того, как Россия и все постсоветское пространство вступили в фазу нынешнего цивилизационного кризиса. Однако в предшествующий период исторического развития страны в рамках советской идеологии и мифологии имелись своеобразные способы компенсации комплекса провинциализма. Например,

антиэлитизм, апологетика периферийных ролей социального пространства (героика труда рабочих и крестьян, «простых тружеников», живущих не только в столице), имперский пафос освоения физического пространства (образы строек социализма, подобные Днепрогэсу, Магнитке или БАМу) создавали для носителей данных статусов психологическую возможность позитивно оценивать свое периферийное положение.

По мере разрушения идеологии и мифологии советской системы перестали действовать заложенные в них механизмы компенсации. В результате ситуация цивилизационного кризиса породила психологическую потребность в новых способах компенсации. Причем по мере усиления региональной самоидентификации жителей России в постсоветский период данная потребность закономерно усиливается.

Итак, региональные мифы (или мифологии) возникают в современной России в качестве одного из способов компенсации кризиса идентичности. Они являются элементом формирования и воспроизводства региональной идентичности, их утверждение в мировосприятии жителей страны приводит к актуализации данного типа идентичности. А поскольку эта актуализация ведет в условиях цивилизационного кризиса к развитию комплекса провинциализма, то региональные мифы как способ формирования позитивно воспринимаемой идентичности с необходимостью выступают одновременно и как способ компенсации этого комплекса неполноценности. Указанные аспекты генезиса региональных мифов отчетливо проявляются в текстах, выявляющих содержание различных вариантов региональных мифологий в современной России.

**Политические
аспекты
развития
региональной
мифологии**

Развитие этих мифологий есть, безусловно, явление прежде всего социокультурное, отражающее процесс актуализации региональной самоидентификации граждан России в условиях цивилизационного кризиса. Вместе с тем существуют более или менее отчетливо выраженные политические аспекты современных региональных мифов.

Как и всякие иные, региональные мифы могут выступать и выступают элементом опосредования политической деятельности. Создаваемая средствами воображения с опорой на отражаемые в текстах и ритуалах символы целостная картина мира санкционирует (легитимирует) посредством придачи им смысла определенные нормативные модели, сценарии поведения, цели и ценности, имплицитно заложенные в тех или иных политических актах.

Перераспределение власти и влияния в пользу регионов в процессе позднесоветской и постсоветской трансформации произошло, на наш взгляд, столь естественно и в большинстве случаев безболезненно лишь потому, что образовавшийся в результате

развития региональных мифологий потенциал легитимации деятельности местных лидеров и элит был вполне для этого достаточен.

При отсутствии сколько-нибудь серьезной традиции федерализма региональный миф в современной России создает для жителей большинства субъектов РФ (в особенности «русских» краев и областей) некую изначальную возможность воспринимать себя в качестве общины граждан, выступающей источником власти и обладающей определенной политической автономией. Сеть региональных мифологий составляет, таким образом, социокультурный контекст политико-правовых изменений, связанных с утверждением модели федеративного устройства.

Вместе с тем региональный миф обладает определенным авторитарным потенциалом. Актуализируя архетип общины (однако не родовой, как в этническом мифе, а скорее соседской), он исходит из того, что взаимодействия ее членов носят бесконфликтный и гармоничный характер. Политика в ее конкурентных формах как символ конфликта, а следовательно, беспорядка и хаоса, выносятся за пределы региона, ассоциируясь больше с пространством России в целом или даже «Москвы» или «Садового кольца». Отсюда фигура регионального лидера как «крепкого хозяйственника и управленца», выражающая это смысловое отношение, неизбежно приобретает черты авторитарности. Предполагаемое сведение политики к администрированию по аналогии с хозяйственным управлением делает неуместными специальную политическую рефлексию (она заменяется мифологическим «здравым смыслом») и тесно связанную с ней политическую дискуссию.

Таким образом, «политический выход» регионального мифа оказывается крайне противоречив. Предотвращение потенциально опасных последствий его утверждения невозможно без дальнейшего детального изучения этого феномена.